

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44
А73

Stefan Ahnhem
DEN NIONDE GRAVEN

Серия «Триллер по-скандинавски»

Печатается с разрешения литературного агентства
Salomonsson Agency

Перевод со шведского *Елены Серебро*
Оформление обложки *Екатерины Ферез*

Анхем, Стефан.

А73 Девятая могила: [роман] / Стефан Анхем; [пер. с швед. Е. И. Серебро]. — Москва : АСТ, 2019. — 512 с.

ISBN 978-5-17-107493-7

В холодном зимнем Стокгольме бесследно исчезает Министр юстиции Швеции. В не менее холодном Копенгагене убивают жену телезвезды. В Швеции за дело берется Фабиан Риск, в Дании — Дуня Хоугор. Никто не думает, что эти преступления могут быть связаны. Однако и там, и там появляются все новые и новые мертвые тела, и постепенно становится ясно, что все нити сводятся к одной точке. Фабиан и Дуня — лишь маленькие пешки в огромной, запутанной игре.

Действие «Девятой могилы» разворачивается за полгода до событий «Жертвы без лица». Стефан Анхем, архитектор сложных сюжетов, раскрывает свой талант с новой стороны и позволяет по-новому взглянуть на героев.

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

© Stefan Ahnhem 2015
© Серебро Е., перевод, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-107493-7

ПРОЛОГ

14 июня 1998 г. — 8 ноября 1999 г.

Было до того темно, что он едва видел. К тому же автозак, пробирающийся по этим глухим местам, трясло так сильно, что буквы, которые он пытался вывести, было почти невозможно разобрать. Но ничего не поделаешь. Это его последний шанс — надо успеть записать все до того, как под ним растечется большая лужа крови. Рассказать о том, как влюбленность заставила его отказаться от всего и броситься в неизвестность. О том, как свои подстрелили его и взяли в плен, а теперь везут на верную смерть.

Ручка была у него с тех пор, как он покинул израильский военный лагерь у блокпоста в Хувваре и отправился в неподконтрольные части Западного берега. Бумагой ему служили несколько пустых страниц из дневника, найденного им в рюкзаке Тамира, где также лежал использованный конверт, который можно было вывернуть наизнанку. Дописав письмо, он сложил страницы окровавленными руками, положил в конверт и попытался его заклеить.

У него не было ни марки, ни адреса получателя. Одно только имя. И тем не менее, он без колебаний просунул письмо в узенькую щель и отпустил его. Если на то будет божья воля, письмо дойдет, подумал он, и на него навалилась усталость.

Не успел конверт коснуться земли, как его подхватил сильный ветер и унес высоко-высоко к черному беззвездному небу, откуда еще одна непогода только что обрушилась на Эбал и Гаризим — горы на окраине города Наблус. Промежутки между сверкающими молниями и глухими раскатами грома становились все короче. В воздухе пахло дождем; казалось, еще несколько секунд, и он прибьет конверт к земле и превратит сухую землю в сырую глину. Но дождь так и не пошел, и окровавленный конверт с написанным от руки письмом поднялся высоко над горами и перелетел границу с Иорданией.

Саладин Хазайме лежал на расстеленной подстилке и смотрел на небо, где робко начал заявлять о себе рассвет. Сильный ветер после ночной непогоды наконец стих — похоже, впереди был прекрасный день.

Солнце словно решило провести на небе генеральную уборку к его семидесятилетию. Но не это занимало мысли Саладина Хазайме. Хотя день рождения и был основной причиной его десятидневного паломничества, он был сосредоточен совсем на другом.

Сначала ему показалось, что на высоте в несколько тысяч метров летит самолет, но потом он решил, что, наверное, это птица с раненым крылом. А сейчас он вообще не знал, что падало с неба примерно в пятидесяти метрах от него, время от времени поблескивая в лучах солнца.

Саладин Хазайме встал. Его поразило, что боль в спине, которую он обычно испытывал по утрам, как рукой сняло. Он поспешно скатал свою подстилку и положил в рюкзак. Что-то должно произойти. Что-то очень значительное. И он почувствовал прилив энергии.

Это не что иное, как знак свыше. Явление Бога, в которого он верил столько, сколько себя помнил, и который теперь говорил, что он на правильном пути. Бога, чей сын в день своего семидесятилетия решил пройти

по Его стопам весь путь до Иерусалима от Галилейского озера.

Вчера он посетил святую пещеру в Анджаре с целью провести ночь именно там, где ее провел Иисус вместе с апостолами и девой Марией. Но его обнаружили охранники, и ему пришлось спать под открытым небом. Но во всем явно есть смысл, подумал Саладин и легким шагом поспешил по бугристой земле к оливковому дереву, в ветвях которого застрял божий знак.

Подойдя поближе, он увидел, что это конверт.

Конверт?

Сколько Саладин ни пытался, он не мог объяснить логически, откуда взялся конверт, и наконец решил, что для ответа достаточно — *с небес*. И, может быть, был не так уж и неправ, поскольку слышал свой внутренний голос, повторяющий, как мантру, как важно ему позаботиться о конверте. Таков замысел. Именно это и ничто другое — подлинный смысл его паломничества.

С нескольких попыток ему удалось сбить конверт камнем и поймать его до того, как тот упал на землю. Конверт был грязный и во многих местах протерся до дыр. Он выглядел так, словно пережил конец света. К тому же он весил больше, чем ожидал Саладин.

Все сомнения как рукой сняло.

Бог избрал его.

Это не просто конверт.

Саладин осмотрел его с обеих сторон в поисках зацепок, но ничего не нашел, кроме имени, выведенного маленькими корявыми буквами.

Аиша Шахин

Саладин Хазайме сел на камень и с трудом выговорил имя, но оно ему ничего не сказало. После некоторых колебаний он достал нож и осторожно вскрыл конверт. Невольно задержав дыхание, он вынул и развернул

письмо, испещренное знаками, которые образовывали длинные ряды слов.

Он смог понять только, что это иврит. Но как ему, едва умеющему читать по-арабски, разобрать вот это?

Что Бог хочет сказать? Наказать его за то, что ему так и не удалось научиться читать? Или письмо предназначено вовсе не ему? Является ли он всего лишь незначительным посредником, чья единственная задача — отправить письмо дальше? Он безуспешно пытался побороть в себе разочарование, пока складывал письмо, помещал его обратно в конверт и продолжал свое странствие на север в сторону Аджлуна, где неохотно бросил его в почтовый ящик.

Многие наверняка бы посчитали, что Халид Шавабке ведет себя непорядочно и поступает глубоко аморально. Сам же он не испытывал ни малейшего угрызания совести, когда откладывал в сторону конверты без марок, отправителя или полного адреса. Письма, оформленные не по правилам, — его собственность. Эту практику он без исключений применял все сорок три года работы сортировщиком почты.

У него дома было несколько ящичков с заблудившимися письмами, и больше всего на свете он любил достать наугад какое-нибудь письмо и ознакомиться с мыслями, предназначенными кому-то другому. Но именно этот конверт был более чем необычным.

Налет патины свидетельствовал о том, что письмо проделало долгий путь. Вдобавок его уже кто-то вскрывал, не тронув содержимого.

Оставив ему и только ему.

Ровно на девяносто восемь минут раньше, чем обычно, Халид Шавабке был дома и запер дверь изнутри. Чтобы выиграть время, не стал пить чай, хотя у него было печенье «Хариса», и почти бежал домой всю дорогу от автобусной остановки. Он совсем запыхался и по-

чувствовал, как через слишком тесную синтетическую рубашку проступает пот.

Ужин подождет. Вместо этого он налил бокал вина из бутылки, спрятанной на книжной полке за книгами, сел в кресло, зажег торшер, достал конверт и с благоговением развернул письмо.

«Наконец-то», — подумал он и потянулся за вином, будучи в счастливом неведении, что тромб, который в течение нескольких лет образовывался в его левой ноге, оторвался и вместе с кровотоком попал в легкие.

Хотя прошло больше года с тех пор, как дядя Марии скончался от легочной эмболии, она не переступала порог его дома. Два ее брата опротестовали завещание и сделали все, чтобы заставить ее отказаться от наследства. Даже собственный отец попытался убедить ее в том, что Халид Шавабке все время жил один и, в конце концов, лишился разума, и что женщины никогда не были и не будут созданы для того, чтобы владеть имуществом и управлять им.

Но Мария стояла на своем и теперь, наконец, смогла вставить ключ в замок и открыть дверь. Вдобавок ко всему она перестала общаться с родителями и с обоими братьями, но ничего не поделаешь. Теперь надо освободить дом и продать его. На деньги от продажи дома она сможет уйти из пошивочной мастерской, переехать в Амман и начать бороться за права женщин в Иорданской национальной женской комиссии.

Этого не должно было произойти. Не было никаких признаков того, что письмо когда-либо дойдет от адресата. При таком количестве препятствий вероятность была настолько мала, что ее нельзя было принимать во внимание.

И все же именно так и случилось.

Спустя год, четыре месяца и шестнадцать суток после того, как письмо просунули в щель автозака и его

Стефан Анхем

подхватил ветер в черной ночи, его нашла Мария Шавабке, и спустя несколько часов ей чудом удалось собрать воедино фрагменты письма, на конверте которого ничего не было, кроме имени.

Прочитав чудовищный рассказ, она не спала три ночи, а затем написала на конверте полный адрес, найденный в интернете, наклеила марки и отнесла на ближайшую почту. Не имея ни малейшего понятия о последствиях.

*Аиша Шахин
Ул. Сельмедальсвеген, 40, 7-й этаж
129 37 Хегерстен
Швеция*

ЧАСТЬ I

16–19 декабря 2009 г.

«Многие от моих действий придут в ужас. Некоторые сочтут их мстью за все нанесенные мне обиды. Другие — невероятной игрой, чтобы обмануть систему и показать, как далеко можно зайти. Но большинство трогательно сойдутся во мнении, что это деяния крайне больного человека.

И все будут неправы...»

1

Два дня назад

Софи Леандер сидела в комнате ожидания отделения УЗИ Южной больницы и листала замусоленный экземпляр журнала «Мы — родители», развороты которого пестрели снимками красивых и счастливых мам и пап. Больше всего на свете ей хотелось стать одной из таких мам. Но после всех бесполезных курсов приема «Перго-тайма» она начала сомневаться в том, что когда-нибудь сможет забеременеть.

Это ее самый последний шанс. Если окажется, что и на этот раз лекарство не дало никакого результата, ей останется только сдаться.

Что, похоже, ее муж уже сделал. А ведь он обещал быть с ней рядом, как только он ей понадобится. Она включила мобильный и снова прочла его сообщение. «Возникли кое-какие обстоятельства, и, к сожалению, я не успею». Словно речь шла о покупке пакета молока по дороге с работы домой. Он даже не удосужился написать «удачи».

Она надеялась, что переезд в Швецию три года назад даст новый импульс их чувствам. Тем более что он даже решил взять ее фамилию. Тогда она расценила это как объяснение в любви. Как доказательство того, что, как бы там ни было, их на свете двое. Теперь она уже не была полностью уверена и не могла отделаться от ощу-

щения, что они все больше отдаляются друг от друга. Она пыталась обсудить с ним это, но он совершенно ее не понимал и упорно клялся в своей любви. Хотя она видела по его глазам. Или, точнее, по тому, как он отводил глаза.

У того, кто некогда спас ей жизнь, теперь вдруг возникли *кое-какие обстоятельства*, и он едва смотрит в ее сторону. Ей хотелось позвонить и прижать его к стенке. Спросить, не разлюбил ли он ее. Не встретил ли другую. Но она не решалась. К тому же она не сомневалась в том, что он все равно не подойдет к телефону. Он почти всегда так делал, когда работал, особенно сейчас, в разгар своего нового проекта. Нет, ее единственный шанс — положительный ответ врача. Как только она его получит, все наладится. Она сможет дать ему этого ребенка, и муж поймет, как сильно он на самом деле ее любит.

— Софи Леандер.

Ее вызвали, и она пошла за акушеркой по коридору. Та привела ее в маленький смотровой кабинет со спущенными жалюзи, большим аппаратом, напоминающим компьютер, и больничной койкой.

— Можете повесить верхнюю одежду вот на тот крючок, а сами ложитесь на койку. Врач придет с минуты на минуту.

Софи кивнула, сняла пальто и стала стягивать сапоги. Тем временем акушерка вышла из кабинета. Она легла на койку, подняла блузку и расстегнула брюки. Она решила все равно позвонить ему и спросить, из-за каких таких важных дел он не смог быть вместе с ней. Но она успела только потянуться за сумкой, как открылась дверь и вошел врач.

— Это вы Софи Леандер?

Софи кивнула.

— Хорошо, тогда посмотрим... Для начала лягте на бок спиной ко мне.

Софи сделала, как ей велели, и услышала, что за ее спиной врач открыл какую-то пластиковую упаковку.

Она не могла точно сказать, в чем дело, но чувствовала: тут что-то не так.

— Меня прислали сюда на обследование яичников.

— Конечно. Но сначала мы должны кое-что сделать, — сказал врач и начал нажимать пальцами ей на позвонки.

Внезапно у нее кольнуло в спине.

— Подождите. Что вы делаете? Вы сделали мне укол? — Софи перевернулась и увидела, как врач кладет что-то в боковой карман брюк. — Я должна знать, что...

— Вам совершенно не о чем беспокоиться. Самая обычная рутина. Это ваши вещи? — врач показал на ее пальто и сапоги и, не дожидаясь ответа, положил их у нее в ногах. — Лучше ничего не забывать. Иначе что тогда получится?

Софи не первый раз обследовали яичники ультразвуком, но такого точно не было. Она понятия не имела, что происходит. Она не сомневалась только в том, что больше не хочет в этом участвовать. Что хочет уйти отсюда. От врача и из смотрового кабинета. И вообще из больницы.

— Думаю, мне лучше уйти, — сказала она и попыталась встать. — Я хочу уйти, слышите? — Но тело ее не слушалось. — Что происходит? Что вы сделали?

Врач наклонился к ней, улыбнулся и погладил ее по щеке.

— Вы скоро поймете.

Софи попыталась протестовать и закричать как можно громче. Но дыхательная маска, которую натянули ей на лицо, поглотила все звуки, и не успела она и глазом моргнуть, как койку сняли с тормозов, выкатили из смотрового кабинета и повезли дальше по коридору.

Если бы она только могла за что-то ухватиться, за что угодно, и стащить себя с койки, чтобы все поняли, что происходит. Но ничего не получалось. Она только могла лежать, уставившись в потолок, где одна лампа дневного света сменяла другую.